

ЭЛИТЫ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: СЛУЧАЙ ЭСТОНИИ

Юри Руус

I. Введение

Межэтнические отношения и политика, ориентированная на различные культуры, являются одним из главных факторов безопасности и стабильности в регионе Балтийского моря. В Эстонии наблюдается значительное этническое разнообразие: 32% ее жителей относятся к этническим меньшинствам, а остальные 68% — эстонцы. Эти люди — не иммигранты, недавно прибывшие в страну (как во многих европейских странах), а постоянно проживающие в Эстонии представители второго и третьего поколений после включения в СССР. Интеграция двух многочисленных общин представляет собой острый вопрос, который вызывает широкие и оживленные дискуссии в течение многих лет после обретения страной независимости. В этой ситуации основной заботой государства является исключение любых потенциальных межэтнических конфликтов и сепаратистских движений. Именно поэтому эстонское общество на национальном и местном уровнях должно быть открыто к диалогу между представителями различных этнических групп.

Среди социологов широко признаны пять критериев Роберта Даля, используемые для оценки демократических процессов, а именно: эффективное участие, равенство суждений, равенство возможностей, контроль повестки дня и равное участие всех граждан государства в политических процессах. Это те критерии, которым должны отвечать правящие круги для того, чтобы соблюдалось требование равного участия всех граждан в принятии решений, определяющих политику государств¹.

Политическое равенство (равное суждение) является основополагающим принципом (разумным основанием) при определении этих пяти критериев. Хотя большинство элит испытывают недостаток единства при демократии, главный вопрос состоит в том, насколько элита принимает основные ценности политического режима. Политическая стабильность в демократических странах основана на минимальном уровне нормативной интеграции в элите.

Теории элиты утверждают, что элиты являются движущей силой изменения режимов и демократического развития. Роль новых политических элит представляет особую важность в многонациональных обществах как при переходе к либеральному народовластию, так и при обретении либеральных ценностей.

Каждое из посткоммунистических государств пережило свой специфический и сложный процесс создания новых политических элит. Вместе с тем общим для большинства посткоммунистических стран было то, что новые элиты широко и весьма эффективно использовали националистическую риторику для завоевания голосов электората. В этом отношении старые коммунистические элиты были зачастую более радикальны, чем новые. Их акцент на этнической сплоченности и правах нации позволил им в некотором смысле оправдать коммунистическое прошлое.

После того как Эстония вновь обрела независимость в 1991 г., политическая элита приняла такую модель восстановления государства, которая гарантировала преемственность Эстонской

Республики в качестве субъекта международного права. Этот подход, однако, отвергал принцип равного демократического участия для национальных меньшинств. Согласно заявленному принципу юридического восстановления, только те, кто имел гражданство Эстонии до 1940 г., и их прямые потомки получали автоматическое право на приобретение гражданства. Таким образом, значительная часть населения, постоянно проживающая в Эстонии, но не имевшая корней в Эстонии до 1940 г., оказалась без гражданства. Политика «исключения» во многом не была преднамеренной, она отражала ситуацию, существовавшую в политической элите, — дефицит конструктивных идей по поводу этого сложного вопроса. После парламентских выборов 1992 г. (как и в Латвии в 1993 г.) переход этнической и политической власти был завершен: все 101 депутат в новом эстонском парламенте (Рийгикогу) были этническими эстонцами, около 90% депутатов в латышском парламенте (Сейме) были этническими латышами². Демократический идеал представительства меньшинств воспринимался как прямая угроза национальной независимости. Новые правовые нормы кардинальным образом изменили ситуацию в обществе. При этом среди этнических русских возросло ощущение неопределенности, поскольку многие в то время подозревали, что существует некая тайная программа репатриации или непрямого изгнания из страны. Потребность обеспечения национальной независимости от России привела к консолидации местной национальной элиты за счет набора на государственную службу по этническим признакам, в целях защиты основных национальных институтов от внешнего воздействия.

После нескольких лет безмолвия в 1996 г. были предприняты первые официальные усилия по разработке будущих моделей для русскоязычного меньшинства в Эстонии. Важно то, что разработчиками основных принципов политики

в отношении национальных меньшинств по большей части были не политические партии, а научные организации. В начале 2000 г. произошли наиболее заметные перемены как в политической, так и в общественной сфере. Была предпринята серьезная попытка перестройки парадигмы от этнически централизованной модели к либеральной (гражданской) модели. Межгосударственный аспект в эстонской политике по гражданству, ставший более заметным, определялся политикой безопасности Европейского Союза, ОБСЕ и Совета Европы. Нормы права по гражданству, защите меньшинств и права человека, а также межгосударственное посредничество и консультации внесли свой вклад в формирование политики в отношении национальностей в Эстонии³.

Интеграция в качестве перспективной политической идеи стала естественной частью эстонской политической концепции. Вместе с тем проблема отношений между эстонцами и русскими постепенно утратила оттенок насущности и крайней эмоциональности в общественных дебатах. Если в 1990-х гг. большинство эстонцев и представителей других национальностей считали конфликт между большинством и меньшинством одним из самых насущных в стране, то в начале 2000 г. эти проблемы трансформировались в обычную тему для обсуждения, встав в один ряд с такими темами, как образование, занятость населения, уровень преступности и вступление в ЕС и НАТО⁴. Таким образом, парадигма коллективного страха и опасности со временем сменилась парадигмой роста индивидуальных ресурсов и социального капитала.

Интеграция двух многочисленных общин представляет собой острый вопрос, который вызывает широкие и оживленные дискуссии в течение многих лет после обретения страной независимости. В этой ситуации основной заботой государства является исключение любых потенциальных межэтнических

конфликтов и сепаратистских движений. В этом контексте эстонское общество на национальном и местном уровнях должно быть открыто к диалогу между представителями различных этнических групп.

В социологии элита определяется как социальная категория, обладающая властью и влиянием, а меньшинство определяется как группа, не являющаяся политически доминирующей. Элиты оказывают значительное влияние на социально-политическое развитие. Образ мышления, менталитет, призывы и поступки элит формируют коллективное сознание, идентичность и поступки вне политической арены⁵. Согласно мнению В. Парето и Г. Лассуэлла элита не является однородной, а разделена на несколько различных элит, связанных с различными системами: политикой, бизнесом, наукой, культурой и т.д. Г. Моска (1939) подчеркивал изменчивость организации, сплоченности и коллективной воли элиты. Во многих европейских странах основное внимание этническим меньшинствам уделялось в основном с точки зрения уровня образования, безработицы и т.д. Существует очень мало исследований относительно вертикальной мобильности меньшинств. Настоящее исследование уникально ввиду того, что проблемы этнических элит в многонациональном обществе не рассматривались отдельно при изучении элит. До настоящего времени исследования в этой сфере включались в рамки общих исследований политических элит. В научной литературе по элитам рассматриваются многие важные вопросы, например: что такое элиты и насколько они однородны, насколько они важны в процессе демократизации и выработки направлений политики, существуют ли элиты, отмеченные преемственностью, сплоченностью и общими интересами, насколько интегрированы или разделены элиты.

Теория элиты отстаивает идею о том, что в демократичном обществе го-

сподствующий класс должен быть в состоянии интегрировать различные социальные силы. В новых демократических странах всеобщее объединение разобщенных элит представляет собой жизненно важный шаг в создании демократической стабильности. Только объединенные элиты обеспечивают «единство в разнообразии», что является необходимым для шумпетерианского демократического режима, который также является стабильным⁶. Следовательно, форма элит также важна. Например, может иметь значение, в какой мере правящий класс представляет (демографически) интересы основного населения страны. Имеет значение, является ли элита единой или разобщенной, хорошо или плохо образованной, космополитической или местнической и т.д. Открытость, при которой «двери элиты» распахнуты для всех талантливых людей, предполагает высокий уровень свободной сменяемости элит, и наоборот, закрытость элитной группы есть одна из основных характеристик недемократического режима. Сменяемость сама по себе может быть полной или частичной в зависимости от глубины этого процесса.

В настоящем исследовании мы придерживаемся общей методологии изучения элиты и подхода в рамках неоэлитизма. Эмпирический анализ проведен путем исследования трех-четырёх основных видов конфигураций элиты: пути и преемственность рекрутирования, представительство меньшинств, взгляды и ориентированность меньшинств в Эстонии. Одна из главных задач — выявить доминирующие в элитах ориентиры и таким образом определить последствия выработки и реализации определенной политики. Мы ожидаем, что пути рекрутирования, взгляды и восприятия этнических элит будут относительно однородными, без существенных различий. С другой стороны, высокий уровень различий наталкивает на мысль о существовании такой категории, которая класси-

фицируется как разобщенные элиты; это как раз то, что уводит государство от консенсусной демократии. Для необъединенной или разобщенной элиты характерны слабость и отсутствие общего духа, взаимное недоверие и подозрение, плотная и сегментированная сеть⁷.

Таким образом, наше основное внимание сосредоточено на путях рекрутирования элиты, представительстве, ориентациях, как они сформированы и на последствиях с точки зрения демократической стабильности и восстановления государства. Это осуществляется путем анализа практических данных, полученных в результате опроса представителей минорной элиты, проведенного в 2009–2011 гг. в эстонском парламенте и Ида-Вирусском уезде Эстонии. Общее число респондентов составило 64 человека (42 женщины и 22 мужчины), представляющих различные профессии высокого социального статуса: члены парламента (избранный в 2007 г.), государственные служащие, члены местных городских управлений и муниципалитетов. Опрос проводился в следующих городах: Нарва, Кохтла-Ярве, Силламяэ и Таллин. В этих городах численность населения, говорящего на русском языке, превышает 30%. Например, в Нарве (отдаленный город на восточной границе ЕС) 98% жителей — русскоговорящие. Была выбрана структурированная стратегия опроса. Интервью проходили тематически и затрагивали следующие темы: пути и преемственность рекрутирования элит, участие в политических процессах, интеграция и отношение к гражданству.

Таким образом, исследование содержит главы, посвященные изучению элиты, межэтническим отношениям и общей теории демократии.

II. Пути рекрутирования этнических элит и представительство

В многонациональном обществе пополнение элиты представляет собой особый интерес, т.к. часть элиты вовлечена

в политику, и то, каким образом она вовлечена в политику, является показателем режима и курса. На известный вопрос Роберта Д. Патнэма о том, важно ли социальное происхождение, необходимо дать утвердительный ответ. Имеет значение, кто принимает решения и управляет. Значимость рекрутирования и отбора представителей является двойкой. На индивидуальном уровне их социальное и политическое происхождение, а также карьерный путь предположительно оказывают влияние на их отношения, ориентацию и профессионализм на системном уровне таким способом, что политическая элита принимает вызовы, связанные с социальными, экономическими и политическими изменениями, которые важны для легитимности, стабильности, а также эффективности политической системы⁸. Рекрутирование элиты представляет интерес, т.к. та часть элиты, которая вовлечена в политику, и то, каким образом она вовлечена, показывает, какие интересы, убеждения и политические предпочтения имеются на национальном и местном уровнях в процессе выстраивания определенной политики. Понадобится немало времени, чтобы рекрутировать и подготовить новую элиту, а также привнести новые порядки и процедуры. Профессиональный опыт членов элиты является важным показателем путей рекрутирования. Степень «открытости структуры элиты» может варьироваться от низкой, когда элита создается из представителей одного социального слоя, до высокой, когда нет преобладания только одного социального статуса. Открытость предполагает сменяемость элит. Это имеет важное значение для их пополнения из народа и осуществления стабильного и эффективного принятия решений⁹. Существует множество конкретных вопросов, касающихся рекрутирования элиты. Например, кто может быть связан с прежним режимом и какое процентное соотношение говорит о новизне элиты; кто

предпочтительнее — молодежь, люди среднего или преклонного возраста; существуют ли какие-либо предпочтения, касающиеся возраста, профессии, социального статуса, и какие из них являются преобладающими.

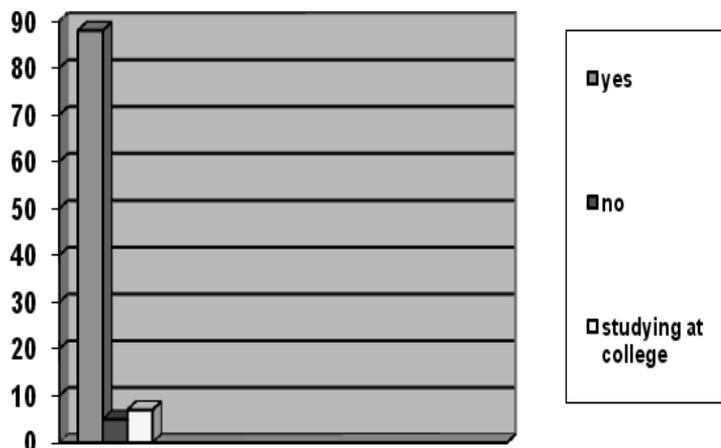
Проблема мобильности должна решаться при любом способе изучения элиты. В открытом обществе люди должны иметь свободу социальных перемещений и возможность строить карьеру. Таким образом, важным аспектом рекрутирования демократической элиты является социальная мобильность элит. Вопрос в том, являются ли элиты самостоятельно пополняющимися из высших социальных слоев или социальная мобильность осуществляется из низших социальных групп. Как правило, новые элиты происходят из прежних высоких социальных слоев. Однако целостность этнической элиты едва ли заметна в Эстонии, поскольку большинство семей (82%), из которых вышли представители местных элит, представляли неэлитные страты населения в советское время. Только 6% представителей элиты происходят из семей, где один из родителей относился к элите и имел высокое социальное положение, будучи инженером, руководителем, управляющим и т.д. Местная этническая элита не занимает высокое социальное положение до того момента, пока она не будет избрана или назначена на занимаемую должность. Более половины представителей местных элит стали рекрутироваться сравнительно недавно, в период с 2004 по 2010 г. Они были избраны на свои должности или назначены муниципалитетами, достигнув средних лет (на местном уровне — в возрасте 43 лет, а в парламентской элите — в возрасте 55 лет) и уже имея высшее образование. Таким образом, не наблюдается четкой тенденции в вопросе рекрутирования элиты; скорее, некоторым просто удается продвигаться в потоке вертикальной мобильности. В основном они новички и не имеют по-

литического опыта. Несмотря на то, что представители большинства элит в законодательных органах до избрания занимали высокое положение и имели политический опыт, только некоторые из них имели длительный опыт работы в прежних созывах парламента. Поэтому парламентская элита была довольно скромной, несмотря на свой высокий статус.

Большинство политологов согласны с тем, что высшее образование имеет важное значение для активной гражданской позиции и представительства в органах государственной власти. В либеральной демократии образование тесно связано со статусом элиты. Члены элиты имеют гораздо более высокий уровень образования по сравнению с другими людьми, как правило, это университетское образование. Сходство в этнической принадлежности и уровне образования определяет схожесть ориентаций и видов деятельности. Профессионализм, как правило, определяется уровнем образования, статусом учебного заведения, которое человек закончил, а также приобретенным опытом. Относительно длительного наличие социального статуса и политического опыта способствует профессионализации политиков и отдельных личностей в обществе. Насколько хорошо обучена политическая элита? Представители политической элиты в Эстонии (а также в Латвии и Литве) имеют высокий уровень образования. Высшее образование имеют 88,3% респондентов, 5% не имеют высшего образования и 7% еще учатся (Диаграмма 1).

Все представители высшей элиты в законодательной ветви власти имеют высшее образование. Поэтому оно, очевидно, является важным фактором, определяющим пути рекрутирования. Следует иметь в виду, что высшее образование в Эстонии, как и во многих других странах ЕС, является обязательным требованием при назначении на высокие государственные должности. Как правило, (за редким исключением) только граждане

Диаграмма 1. Локальные элиты
«Есть ли у Вас высшее образование?»

Составлено автором

Эстонии имеют право занимать высокие должности в государственных структурах.

Политика Эстонии и других стран в регионе Балтийского моря, даже в небольших населенных пунктах, находится под влиянием политических партий. При консолидированной демократии с каждым последующими выборами после восстановления независимости партии приобретают все более однородный и четко определенный круг избирателей, при этом партии привлекают на свою сторону как представителей национальных меньшинств, так и представителей коренной нации. Этнически однородная партия в многонациональном обществе, скорее всего, является источником нестабильности при консолидированной демократии, а не препятствием в процессе принятия решений для достижения консенсуса и определения общей повестки дня. Например, в Латвии можно говорить об этнически разделенных партиях, в то время как в Эстонии русскоязычным партиям не удалось получить голоса на парламентских выборах. Ни одна русскоязычная партия не была избрана в первый постсоветский парламент в Эстонии (1992) из-за наблюдавшие-

гося в то время пика националистических настроений. В 1995 г. несколько русскоязычных политических партий, таких как Русская партия Эстонии (РПЭ, позднее переименованная в Балтийскую русскую партию Эстонии) и Объединенная народная партия Эстонии, вошли в коалицию «Наш дом — Эстония», получив 5,87% голосов, что дало им 6 мест из 101 в эстонском парламенте Рийгикогу. В 1999

году в ходе выборов Объединенная народная партия Эстонии набрала 8,13% голосов, получив, таким образом, шесть мест. С того момента представители русских партий не могли перейти необходимый избирательный порог (5%) в ходе выборов ни в 2003, ни 2007 и 2011 г. Тем не менее шесть представителей меньшинств были избраны по спискам основных партий Эстонии в ходе выборов в эстонский парламент в 2011 г. (см. Приложение II).

По предположениям политологов, возможность участия в выборах в местные органы власти в Эстонии способствовала самореализации местной российской элиты и, более того, послужила для многих политических партий основанием для ориентации на русскоговорящий электорат. Например, Центристской партии, возглавляемой Эдгаром Сэвисааром, удалось склонить на свою сторону большую часть русскоязычного электората почти на всех выборах с 1991 г.¹⁰

Вообще, русскоговорящее население в Эстонии отдает предпочтение многим политическим партиям, не обязательно защищающим исключительно интересы национального меньшинства. Возмож-

но, причиной этого является признание ограниченной эффективности русскоязычных партий из-за их расколов и слияний. Отсутствие популярных признанных лидеров явно негативно влияет на действия партий меньшинства. Даже в уезде Ида-Вирумаа, в котором преобладает национальное меньшинство, избиратели отдали свои голоса кандидатам из списка основных эстонских партий для более эффективного продвижения своих интересов на государственном уровне. Таким образом, избиратели по всей Эстонии, независимо от национальной принадлежности, демонстрируют одинаковую модель электорального поведения. Например, выборы в эстонский парламент Рийгикогу (2007), а также в Сейм Латвии (2005) после острых дискуссий по реформированию образования, развитию интеграционных программ и последствиям членства в ЕС подчеркнули растущую склонность представителей национальных меньшинств голосовать за партии, делающие акцент на их социальных проблемах, а не просто выставляющие эти вопросы на повестку дня. Аналогично ситуации в Латвии после выборов в 2007 и 2011 гг. эстонская правительственная коалиция была сформирована без участия Центристской партии, представляющей большую часть русскоязычного электората, несмотря на то, что на последних выборах (2007, 2011) она получила около четверти голосов. Отчасти ситуация в политике была истолкована, как проекция повседневных убеждений на политическую сферу, где партии большинства/меньшинства придерживаются спорных взглядов на геополитическую ситуацию в Эстонии, реформы образования, гражданство, языковую политику и т.д.¹¹

Тем не менее разделение власти — это признак объединенной элиты, и периодические мирные перемены в исполнительной власти, которые характеризуют либеральное демократическое государство, являются ее основ-

ными проявлениями. Многие видные исследователи, такие как Хигли и Бартон, Стин, Перри¹², настаивают на том, что элита может действовать успешно, если среди ее членов существует доверие, если члены элиты с разными идеологическими взглядами могут обсуждать свои идеи и конкурировать друг с другом и если в то же время все принимают правила демократии. Этот тип классифицируется как интегрированная или объединенная элита. Среди членов разобщенной или конфликтующей элиты присутствует недоверие. Существуют сомнения относительно элитарных групп и их компетентности; если присутствуют идеологические разногласия, то недоверие также проявляется по отношению к тем, кто принимает решения¹³. Из-за недоверия и неприятия между членами разобщенной элиты изменить ее структуру довольно сложно, вероятно, для этого требуется стремительное, обдуманное и принципиальное ее урегулирование, которое может произойти при глубоком кризисе, одинаково угрожающем интересам всех основных элитарных групп¹⁴.

На протяжении последних 20 лет существует раскол между партиями, поддерживающими национальную политику (Партия реформ, Союз Отечества и Республика), и партиями, выступающими в пользу более умеренной этнической политики (Центристская партия, Социал-демократическая партия). Правящие партии поддерживают четко выраженную государственную национальную политику, тогда как оппозиция и левые партии идут на уступки в этнической политике. Крупные политические партии не рассматривают русскоговорящих избирателей как отдельную заинтересованную группу, т.к. все граждане, независимо от национальной принадлежности, имеют схожие жизненные проблемы.

Для некоторых политических деятелей ориентированность на этнические ценности в значительной степени яв-

ляется средством для того, чтобы остаться у власти. Как утверждает Борис Цилевич, «в любом случае принадлежащие или, по крайней мере, лояльно относящиеся к титульным нациям «хозяева своих земель» во многих постсоветских странах, похоже, считают необходимым принадлежать к новой политической элите. Вместо того чтобы играть роль передовой группы в либерализме, новая элита для удержания власти часто вызывает у своих избирателей националистические чувства»¹⁵.

Тем не менее среди не-эстонцев желание заниматься политикой велико. Удивительно то, что некоторые показатели явки избирателей, представляющих национальное меньшинство, превышают показатели явки эстонцев (Таблица 1).

Современная идея либерального устройства подразумевает равенство всех членов общества в единых концептуальных рамках. Развитие либерального равенства имеет определенную предвзятость в направлении исключительности. Исторически применение идеи равенства было довольно узким, однако постепенно масштабы ее применения расширялись. Очевидно, что результатом высокого уровня сменяемости и разнообразия элит является более высокая сте-

пень представительства различных слоев общества на уровне политических элит. Хигли и Бартон указывают на важность высокого уровня представительства для стабильности политического режима¹⁶. Недостаточное представительство меньшинств в высших социальных слоях повышает потенциал нестабильности и конфликтности в стране. Вполне очевидно, что в прибалтийских государствах, по крайней мере в Эстонии и Латвии, меньшинства не представлены в политических и социальных элитах пропорционально их численности. Этнические меньшинства не сильно представлены как в исполнительной, так и в законодательной власти. В Эстонии после обретения независимости было всего лишь 4 министра, принадлежавших к этническим меньшинствам; меньшинства также почти не были представлены ни в системе государственного управления, ни в правительственных структурах (Приложение 3). Проблема состоит в том, что в контексте идеи национального государства в Эстонии и при постоянной напряженности отношений между Эстонией и Россией, которое придает определенную окраску этой идее, представление политических интересов русских в Эстонии, равно как и продвижение рос-

Таблица 1. Явка на местных и национальных выборах (2007–2009)

	Общая явка	Эстонцы	Этнические меньшинства с эстонским гражданством	Без эстонского гражданства	Российские граждане
Местные выборы (2009)	61%	74%	80%	81	72%
Выборы в Европарламент (2009)	44%	68%	68%	0	0
Выборы в Рийгикогу (2007)	62%	71%	72%	0	0

Источник: <http://www.vvk.ee/>, Monitoring 2010, <http://www.slideshare.net/kultuurimisteerium/limumiskava-monitooring>

сийской культуры, воспринимаются значительной частью населения с большой долей подозрения¹⁷. Цифры указывают на то, что государство защищает основные направления своей политики от влияния других групп. Оно стремится быть рациональным в том, что касается стратегии государственного строительства и продвижения национальных интересов. Однако долгосрочные результаты подобного процесса принятия решений и улаживания конфликтов еще предстоит увидеть.

Государство должно относиться к представителям меньшинств так же, как и к другим гражданам, предоставляя им равные возможности работать и на высоких постах в органах исполнительной власти и в органах государственного управления. Это повысит ценность национальных меньшинств и предоставит им равные права и возможности с представителями титульной нации. В то же самое время среди представителей меньшинств должны быть первопроходцы, которые пытаются и добиваются высоких должностей, что, в свою очередь, продемонстрирует другим представителям нетитульной нации, что подобное возможно. Это будет способствовать созданию русскоговорящей элиты, что в настоящее время и происходит, но пока недостаточно уверенно¹⁸. Эстонское законодательство все же не отличается от европейского и способствует дальнейшему привлечению представителей меньшинств к работе в государственном аппарате. Любой человек, желающий приобрести гражданство и участвовать в политической жизни, волен поступать так. Тем не менее очень трудно изменить восприятия и предрассудки, существующие у представителей двух крупных этнических сообществ, и, возможно, они смогут признать друг друга только тогда, когда им на смену придет новое поколение, не знавшее советской оккупации. Поэтому ответа на вопрос «Наблюдаем ли мы необратимую

тенденцию к участию этнических меньшинств в управлении государством, и если да, то в чем она выражается?» пока еще дать невозможно. В докладах по мониторингу интеграционных процессов, вышедших в 2002 и 2005 гг., говорится, что этнические эстонцы и представители нетитульной нации имеют принципиально разные подходы к работе неэстонцев в парламенте, правительстве и вооруженных силах. В то время как неэстонцы выступили за большее участие в деятельности этих структур, представители титульной нации последовательно отстаивали ограниченное участие¹⁹. С другой стороны, действительно существуют структурные ограничения для участия этнических меньшинств в политических процессах. Прежде всего, это их правовой и социальный статус. Во-вторых, верховенство принципа владения языком при трудоустройстве в государственные учреждения ограничивает доступ представителям неосновной этнической группы на многие государственные должности.

Демократия основана на трех принципах: широкое участие, регулярные свободные и честные выборы и конкуренция во власти, закрепленная в многопартийной системе. Хотя современная демократия все еще испытывает трудности с предоставлением равных избирательных прав жителям страны, значение избирательного участия намного менее важно для общего понимания современной демократии²⁰. Демократия прямого участия по определению предполагает, что всеобщее участие является главным принципом всего политического процесса и не ограничивается только выборами²¹. Некоторые теоретики, например, такие как Й. Шумпетер²², утверждают, что конкуренция элит намного важнее, чем массовое участие. Тем не менее основной аргумент в защиту либеральной демократии состоит в том, что вовлеченность, равенство граждан и принятие

отличающихся взглядов являются необходимыми условиями для того, чтобы страна была либеральным демократическим государством. Таким образом, в либеральных демократиях участие является прочно укоренившейся ценностью, и политическая элита в целом, скорее, положительно относится к влиянию населения на политический процесс. Вовлеченность является частью более широкой концепции демократии прямого участия (Приложение V). Если речь заходит о вовлеченности, то элита должна ответить на вопрос: «Надо ли использовать определенные квоты для высокопоставленных чиновников с целью привлечения большего количества русскоговорящих жителей в местные органы исполнительной власти и парламенты?». Утвердительный ответ дали 63,3% опрошенных, хотя высокопоставленные представители элиты были в основном против установления специальных квот (Таблица 2). Мнение о том, что «нет насущной необходимости устанавливать дополнительные квоты, поскольку правовые демократические процедуры прочно закреплены на государственном уровне», довольно широко распространено среди парламентских элит (мнение из интервью).

Таблица 2. Специальные квоты для этнических меньшинств

	Местные элиты	Парламентские элиты
За	63,3%	25%
Скорее, за	2%	0%
Против	0%	75%
Без ответа	34,7%	0%
Всего	100%	100%

Составлено автором.

Процесс выработки определенной политики предполагает, что каждый политик имеет определенное влияние на принятие политических решений. Чем

большее количество человек оказывает такое влияние, тем потенциально более разумным является процесс принятия политических решений. В идеале все члены политического сообщества должны иметь равное влияние на принятие решений. Однако на практике это во многом не работает. В этой связи примерно половина представителей местных элит заявила, что влияние отдельных личностей на принятие решений на муниципальном уровне является слабым, либо его вообще нет. Парламентские элиты оценили степень своего влияния на принятие решений как среднюю (Таблица 3).

Таблица 3. Оценка личного влияния на принятие решений на муниципальном и парламентском уровнях

	Местные элиты	Парламентские элиты
Сильное влияние	5%	0%
Скорее, сильное влияние	20%	25%
Среднее	25%	75%
Слабое	30%	
Нет влияния	20%	
Всего	100%	100%

Составлено автором. Среднее влияние означает, что иногда предложения принимаются во внимание правящими элитами, но не обязательно.

Четверть представителей местных элит оценила свое влияние как «сильное» или «скорее, сильное» при принятии решений на муниципальном уровне. Соответственно, озабоченность тем, что голос конкретного представителя будет услышан, проявляется довольно сильно среди представителей этнических элит.

III. Отношение и ориентация элит по вопросам интеграции и гражданства.

Взаимное доверие

Исследователи теории демократии часто утверждают, что демократическому обществу необходим определенный набор отношений и ориентаций. «Интеграция» и «интегрированность», очевидно, имеют положительные коннотации, в то время как такие понятия, как «медленная интеграция», «слабая интегрированность» и «неинтегрированность», подразумевают негармоничность и наличие социальной проблемы. Идея интеграции в многокультурных обществах зачастую является основой для взаимного недоверия между представителями большинства и меньшинства. Руководящим принципом либеральной демократии, который представители большинства часто используют в подобных контекстах, является принцип «Интеграции — да, насильственной ассимиляции — нет». Однако принимаемые институциональные решения, исключающие одновременно и ассимиляцию, и разделение, что лишает их конкретики, постоянно вовлекают оба конкурирующих сообщества в странной порочный круг. И в этой ситуации большинство воспринимает минимальные требования меньшинства как первый шаг на пути к расколу, а максимум того, что само большинство может предложить, согласно своему восприятию демократии, обычно интерпретируется меньшинством как первый шаг на пути к ассимиляции²³. Желанием коренной правящей элиты является адаптация этнических меньшинств к образу мышления, языку и модели поведения «принимающего» общества. Когда процесс интеграции испытывает трудности, то возникает социальная проблема, функциональная ошибка в работе социального аппарата.

В «Национальной программе интеграции» подчеркивается, что эстонское правительство продолжает делать большой упор на приверженность созданию многокультурного общества. Программа (2008—2013) нацелена на продвижение общих

ценностей и более активное участие всех сторон в жизни общества. Основная часть интеграционной политики нацелена не только на то, чтобы русскоговорящее население страны приняло интеграцию, но и на то, чтобы убедить этнических эстонцев дать русскоговорящим возможность интегрироваться и принять их в качестве равных членов общего эстонскоязычного сообщества. Если эти усилия окажутся неудачными и русскоговорящее население будет все более разочаровываться в перспективах успешной интеграции, то может возникнуть потенциальная угроза того, что русскоговорящее сообщество осознает себя в полной мере национальным меньшинством и будет требовать территориальной и культурной автономии²⁴.

Интеграция означает, что все жители Эстонии имеют равные возможности для выражения своих интересов и потребностей, а также могут в равной мере содействовать развитию государства и участвовать в социальной жизни страны вне зависимости от своего этнического происхождения²⁵. Политологи подчеркивают, что неэффективность национальной интеграционной политики во многом является результатом политической борьбы между различными политическими партиями и отдельными политиками, которые часто используют этническую и языковую принадлежность в качестве действенного инструмента этой борьбы, поляризуя таким образом общество.

Вовлечение русскоговорящего населения Эстонии в политическую и культурную сферы, успешная адаптация в которых во многом также зависит от отношения общества, является очень проблематичным. Именно поэтому даже сам термин «интеграция» иногда воспринимается русскоговорящими в Эстонии негативно. Модель национального государства на этнической основе приравнивает интеграцию к насильственному окультуриванию, а поскольку большинство русскоговорящих не хотят ассимилироваться, то интеграция для них означает нечто, чего надо избегать²⁶.

Интеграция до сих пор не рассматривается большинством представителей элит как двусторонний процесс, и до сих пор существуют вопросы относительно желания правительства вовлечь русскоговорящих жителей страны в политический процесс. Представители эстонской, а также латвийской элит признают, что их общества интегрированы только частично и что все еще имеются серьезные препятствия на пути интеграции²⁷. Таким образом, национальные элиты не столько заинтересованы в интеграции по сути, сколько в ассимиляции под видом интеграции.

В опросе, проведенном в 2005 г., только 45% этнических эстонцев и 31% этнических русских указали на успешность интеграционной политики государства. Важность процесса интеграции более высока в небольших населенных пунктах, где местные жители отчетливее осознают необходимость практических перемен. В больших городах и в уезде Ида-Вирумаа жители относятся более скептически к эффективности интеграции²⁸. Из данных, представленных в Таблице 4, видно, что большинство представителей элит оценивают результаты реализуемой в настоящее время политики интеграции либо без изменений, либо даже хуже (Таблица 4).

Таблица 4. Оценка представителями этнических элит интеграционной политики в 2010–2011 гг.

	Местные элиты	Парламентские элиты
Ухудшилась	36,6%	33,3%
Осталась на том же уровне; без изменений	50%	50%
Улучшилась	8,1%	33,3%
Нет ответа	5%	
Всего	100%	100%

Составлено автором.

Однако, как многие заявляют, запущенная государством программа интеграции крайне необходима для преодоления разногласий и недопонимания, существующих между представителями двух общин.

Мы полагаем, что восприятие элитой власти как открытой и прозрачной структуры является важным аспектом системы демократии. Более того, мы считаем, что степень доверия граждан к различным политическим институтам является важным показателем уровня поддержки демократии. Чтобы демократия была стабильной, народ и политические лидеры должны иметь хоть минимальное доверие к политическим институтам, а между представителями элиты должно существовать элементарное взаимное доверие. Доверие является ключевым аспектом интеграции элитарного сообщества. Согласно Патнему²⁹, Алмонду и Вербе³⁰ определенный уровень доверия между гражданами является предпосылкой развития демократической политической культуры. Следовательно, доверие к политическим деятелям и людям в целом, т.е. межличностное доверие, рассматривается как необходимая предпосылка для развития демократии. Теоретически доверие является основой сотрудничества³¹. Это означает, что люди склонны поступать в духе демократии в той мере, в которой, по их мнению, можно доверять так же другим в их поступках³². Демократическая консолидация предполагает высокий уровень межличностного доверия и толерантности в обществе, при ней ценится активность граждан и гражданское участие. Элиты несут определенную ответственность за то, как эти ориентиры и отношения реализуются в реальной жизни. Отвечая на вопрос о том, повысился ли уровень взаимного доверия и желания сотрудничать между двумя общинами, обе группы элит дали, скорее, отрицательный ответ. Более 80% представителей элит заявили, что уровень взаимного доверия и жела-

ния сотрудничать между двумя общинами остался на прежнем уровне или даже ухудшился. Низкий уровень доверия отражает раскол (фрагментарность) элит, которые связаны между собой не столько прагматическими соображениями, сколько консенсусом по базовым вопросам.

Ответ на вопрос «Что эстонцам следует делать, чтобы больше доверять русскоговорящему сообществу?» показал, что обе группы элит достаточно хорошо понимают культуры друг друга, принимают друг друга и проявляют взаимную толерантность.

«Эстонцы должны быть более толерантны к другим культурам и этническим группам; не существует государств в чистом виде национальных; необходимо более тщательно изучать опыт межэтнических отношений в других странах; эстонцы должны больше доверять русскоговорящим, поскольку большинство высоких должностей в государственном аппарате занимают этнические эстонцы; не клеймить других (меньшинства) оккупантами и врагами, а рассматривать русскоязычное сообщество как огромный потенциал для страны; поиск внутреннего врага парализует оценку реальной ситуации; больше слушать и учитывать мнение меньшинства при принятии решений; улучшить отношения с Россией, т.к. это родина наших предков; изменить господствующий в политике националистический подход, который используется правительством с тех пор, как Эстония восстановила независимость. Настало время положить конец страхам, забыть об обидах и больше думать о том, как жить дальше вместе и как строить общее будущее».

Вообще говоря, многие государства — члены ЕС, включая прибалтийские государства, сталкиваются сегодня с новыми вызовами. Эти вызовы исходят не от внешних или внутренних врагов. Угроза исходит от своих собственных граждан, среди которых возросли недоверие к политикам, скептицизм в отно-

шении демократических институтов и разочарование в том, как работает демократический процесс³³. Опыт показывает, что вера в политические институты связана с жизнеспособной демократией³⁴. Именно политика, выстраиваемая демократическими институтами в течение определенного времени, придает легитимность политической системе. Вера в демократические институты зависит от символической привлекательности, общего функционирования системы и от способности лидеров находить консенсус в том, что касается интересов социальных групп. Наиважнейшим является вопрос о том, как различные слои населения взаимодействуют с институтами и насколько стабильность власти зависит от поддержки различных групп³⁵. Огромное общественное внимание было уделено вопросу политической лояльности русскоговорящего меньшинства. Поскольку парламент, правительство, президент и т.д. являются основными государственными институтами любого демократического государства, низкий уровень поддержки этих институтов должен вызывать озабоченность. Данные, полученные в 2009 г., говорят о том, что русскоговорящее население, независимо от наличия гражданства, в три раза меньше доверяет государственным институтам, чем эстонцы (Приложение VI). Вопрос состоит в том, каковы же причины постоянного взаимного недоверия между представителями этнических меньшинств и государственными институтами в Эстонии.

Во-первых, существуют причины, связанные с недостаточным владением государственным языком и недоверием к институтам государственной власти.

Во-вторых, общая пассивность неграждан и лиц без эстонского гражданства. Рикманн (Rikmann) и Лагерпетц (Lagerpetz) считают, что пассивность русскоязычного населения по своей природе отличается от аналогичной пассивности экономически слабых групп

населения титульной нации. Исследователи объясняют общую политическую пассивность представителей меньшинств их разочарованием в политической системе, которая не смогла обеспечить их каналами политического участия, необходимыми для реализации своих интересов³⁶.

В-третьих, низкий уровень общего доверия к институтам есть явное отражение раскола элит, которые связаны друг с другом более этнически, нежели лояльностью к государству.

В-четвертых, перенос в 2007 г. Бронзового Солдата, символизирующего победу русских во Второй мировой войне, повысил скептицизм в отношении властей и правительства. Президент и правительство имеют самый низкий уровень доверия по сравнению с другими институтами.

С другой стороны, большинство русскоязычного населения (80%) считают русских лояльными к эстонскому государству, в то время как среди этнических эстонцев этот уровень составляет только 40% (результаты мониторинга 2010 г.)³⁷.

В восточной части Эстонии (уезд Ида-Вирумаа) интеграционные вопросы тесно

связаны с другими вопросами жизни города. Местные власти, как правило, финансово поддерживают все этнические группы и их деятельность. Муниципалитеты предоставляют помещения для проведения встреч. Как правило, преподавателям эстонского языка квартиры предоставляются бесплатно. Совместное празднование важных для обоих народов годовщин способствует росту взаимопонимания.

Представители обеих элит подчеркивают, что, во-первых, программа интеграции должна быть разработана с учетом практических требований к ее реализации. Во-вторых, программа должна быть включена в общий план развития города. В-третьих, школьные программы и программы других образовательных учреждений должны содержать специальный курс «Интеграция». В-четвертых, местные средства массовой информации должны больше рассказывать о взаимоотношениях между двумя этническими группами. В-пятых, интеграция начинается уже в детстве, в детских садах и школах. Поэтому смешанные группы в детских садах существенно поспособствовали бы разви-

Таблица 5. Возможные результаты интеграции

	Местные элиты	Парламентские элиты
Этнические эстонцы и этнические меньшинства имеют общие ценности; этнические меньшинства сохраняют и развивают свою культуру.	6,7%	50%
Этнические эстонцы и этнические меньшинства имеют общие ценности; они имеют равные гражданские права и возможности сохранять и развивать свои культуры.	75%	50%
Этнические эстонцы и этнические меньшинства имеют равные гражданские права, но живут и действуют раздельно согласно своим культурным установкам, обычаям и традициям.	15%	
Этнические меньшинства сливаются в единое эстонское общество, перенося свою культуру и идентичность.	3,3%	
Итого	100%	100%

Составлено автором.

тию взаимопонимания. Все перечисленное — это мнения, высказанные в интервью.

Элиты имеют разное видение относительно развития событий в будущем и потенциальных результатов интеграции. Как видно из Таблицы 5, второй вариант превалирует, открывая, таким образом, путь к реализации стратегии интеграции. Интеграция начинается прежде всего с предоставления равных гражданских прав и происходит при свободном развитии различных культур.

Все группы респондентов, среди которых неправительственные организации, представляющие интересы русскоязычного меньшинства, и представители этнических элит, назвали четыре основных элемента: двусторонняя направленность процесса интеграции, равенство этнических групп, общие ценности и взаимоуважение.

Первая идея состоит в том, что интеграция должна представлять собой двунаправленный процесс взаимодействия между эстонцами и этническими меньшинствами и что эстонцы не должны противиться идее о том, что они также должны интегрироваться. Несколько представителей элит подчеркнули, что в то время как русскоязычное население изучает эстонский язык и заводит друзей среди эстонцев, очень немногие эстонцы прилагают усилия к изучению русского языка или пытаются наладить социальное общение с русскоговорящим населением³⁸.

Мнение лидеров НПО, отражающих интересы этнических меньшинств, совпадает с мнением представителей местных этнических элит. Например, в интервью было сказано:

«Интеграция сама по себе есть «улица с двусторонним движением», и это значит, что правительство должно предпринимать больше усилий по распространению русской культуры и истории среди большинства населения. С другой стороны, существующий образ врага и предрассудки

необходимо отставить в сторону, необходимо предпринимать больше усилий по налаживанию диалога между различными этническими сообществами. Из школ и учебных программ необходимо убрать термин «оккупант», поскольку молодые люди впоследствии будут передавать полученные знания своим детям. В этом случае воспитание детей в эстонской культуре позволит им лучше понять ценности и менталитет основных национальностей, населяющих страну».

Представители местных элит особо указывали на то, что русскоговорящим жителям необходимо больше общаться с эстонцами на эстонском языке.

«Они должны убедить других своих сограждан в том, что они являются неотделимой частью Эстонии, а не России. Когда эстонцы получили долгожданную свободу, была сделана большая ошибка разделения общества по этническому принципу. Мы можем их понять, ведь они вернули себе свое собственное государство, но они забыли, что это государство также принадлежит и другим. Интеграционные программы должны представлять собой диалог между двумя сообществами на абсолютно равных принципах. Пора прекратить разделение населения на эстонцев и неэстонцев. В конце концов, все мы работаем для того, чтобы сделать Эстонию более богатым и процветающим государством».

Гражданство является одной из наиболее важных, но «неуловимых» концепций современного политического контекста и практики. Оно часто понимается как универсальная концепция. Все граждане в национальном государстве равны перед законом. Проще говоря, гражданство есть членство в национальном государстве, которое считается столпом политического сообщества³⁹. Членство в политическом сообществе придает личности такую идентичность, которая вытесняет все другие идентичности, такие как религиозная, половая, классовая и пр. Это важно, поскольку гражданство,

или его отсутствие, определяет политические, юридические и социальные права граждан. Это одновременно и причина, и результат участия и идентификации, т.к. оно разграничивает различные группы людей, имеющих общие привилегии и несущих общую ответственность⁴⁰. В политическом процессе попытки строительства этнического государства неизбежно заканчиваются либо ассимиляцией, либо вытеснением идентичности и культуры этнических меньшинств, которые становятся незаметными в общественной жизни. Отрицание законных интересов народов, а также их идентичности и культуры несправедливо с точки зрения многокультурного государства. Поэтому единственный способ построить истинную демократию, учитывающую интересы всех, это пересмотреть идеологию этноцентризма во имя создания многокультурной концепции гражданства. В такой концепции гражданства политика строительства государства, основанная на этническом принципе, заменяется или дополняется политикой, которая четко признает и принимает группы, культурные отличия которых явились причиной их вытеснения, будь то национальные меньшинства, религиозные меньшинства и т.д.⁴¹

До смены политического режима у подавляющего большинства респондентов родители имели советское гражданство. Однако правовой статус многих жителей Эстонии существенно поменялся после смены режима. Политика предоставления гражданства во многом строилась на восстановлении довоенного гражданства, исключая при этом большинство русскоговорящих жителей, поселившихся в Эстонии в советский период. Многие из бывших советских граждан предпочли российское гражданство (Таблица 6). В принципе, в Эстонии запрещено двойное гражданство за исключением эстонцев, эмигрировавших в США, Швецию, Канаду, Австралию и другие страны. Большинство этих лиц покинули страну в 1944 г.

Таблица 6. Гражданство родителей представителей элит в настоящее время

Гражданство	Местные элиты	Парламентские элиты
Россия	65%	
Эстония	21,6%	50%
Украина	1,6%	
Финляндия	1,6%	
Болгария	1,6%	
Умерли	8,3%	50%
Всего	100%	100%

Составлено автором.

По поводу двойного гражданства в ст. 3 «Закона о гражданстве» говорится, что любое лицо, которое по рождению помимо эстонского гражданства приобретает гражданство другого государства обязано в течение трех лет по достижении 18-летнего возраста отказаться либо от эстонского гражданства, либо от гражданства другого государства. Вместе с тем ст. 5 ч. 3 гарантирует, что никто не может быть лишен эстонского гражданства, приобретенного по рождению. Не существует правового механизма лишить коренного жителя с двойным гражданством эстонского гражданства. Таким образом, Эстония использует умеренное *jus sanguinis* («право крови») вместе с недавно введенным *jus soli* («право земли»), применяемым в отношении детей, рожденных на территории Эстонии⁴².

Среди Балтийских государств Эстония применяет более либеральный подход, чем Латвия: государство позволяет лицам, имеющим вид на жительство и проживающим на территории страны более пяти лет голосовать на местных выборах, но им не предоставлено право быть избранными (такое право имеют только граждане ЕС). В Латвии лица, не имеющие латвийского гражданства, не имеют права участвовать в политической жизни ни на местном, ни на на-

циональном уровнях, что представляет определенную проблему для демократического государства, учитывая большое количество лиц без гражданства и устойчивое снижение темпов натурализации⁴³. В Эстонии гражданство является решающим фактором, когда кто-либо выставляет свою кандидатуру на местных выборах или хочет получить высокий пост в государственном аппарате. В Литве используется совершенно другой подход по сравнению с Эстонией и Латвией в том, что касается гражданства и права участвовать в местных выборах. Все жители Литвы имеют право голосовать и быть избранными в местные советы. В Латвии любой проживающий в стране, кто имеет латвийское гражданство или гражданство любой страны Европейского Союза, может принять участие в выборах в муниципальные советы. В настоящее время одним из приоритетов эстонской программы интеграции является ускорение темпов натурализации «неграждан», проживающих в стране.

Однако, как показывают данные, полученные при проведении настоящего исследования, многие (63%) все же выступают за большее количество послаблений для русскоговорящего меньшинства в процессе приобретения гражданства. Все представители парламентской элиты высказались за большую либерализацию требований по натурализации.

После восстановления независимости нужно было предоставить гражданство всем жителям, родившимся в Эстонии, независимо от года рождения. 91,7% представителей элит высказались в пользу автоматического предоставления гражданства. Это мнение подтверждает ся историческими аргументами.

«Эстония многое потеряла, не предоставив гражданство тем, кто родился и жил в Эстонии всю свою жизнь. В 1918 году все проживавшие в Эстонии получили гражданство. После 1991 года многие из тех, кто считал себя чужаками, покину-

ли страну. Те же, кто остался, доказали свою лояльность Эстонскому государству, и с трудом верится, что Эстония получила бы независимость без поддержки этих людей».

Многие русскоговорящие жители приобрели эстонское гражданство, получив таким образом социальную защиту со стороны государства. Однако цифры показывают, что в настоящее время наблюдается серьезный спад числа тех, кто желает получить эстонское гражданство. Если в 2005 г. количество желающих получить эстонское гражданство составляло 74%, то в 2010 г. их число сократилось до 34% (Приложение VII). Это можно объяснить и общей политикой государства в отношении гражданства, и чисто практическими причинами — созданием безвизового режима внутри Европейского Союза. Эстония присоединилась к Шенгенскому договору в 2007 г., что дало возможность лицам без гражданства свободно перемещаться по всей территории ЕС. Представители элит признают, что политика в отношении российского гражданства и визовый режим с Россией снизили желание «неграждан» проходить процесс натурализации⁴⁴. Низкий уровень доверия к государственным институтам, о чем говорилось выше, естественным образом негативно влияет на желание получать эстонское гражданство. Похоже, как и в Латвии, недостаточная представительность групп меньшинств в высших органах исполнительной власти и в государственном аппарате отбивает желание у неэстонцев проходить процесс натурализации и принимать активное участие в политической жизни страны.

Поскольку в Эстонии проживают более 100 тысяч российских граждан и лиц без гражданства, что составляет примерно 20% взрослого населения страны, то респондентам был задан вопрос: «Почему некоторые русскоязычные жители страны выбирают российское гражданство, и какие шаги государство должно

предпринять, чтобы избавиться от проблемы наличия лиц без гражданства?».

Представители парламентских элит подчеркивали, что государство должно лучше объяснять проводимую им политику в отношении гражданства. Обе группы элит указали на то, что российское гражданство облегчает поездки за границу и что многие представители меньшинств имеют родственников по другую сторону границы.

«С экономической точки зрения выгодно ездить в Россию, потому что многие товары там намного дешевле, чем в Эстонии. Намного проще посещать родственников, поскольку процедура получения визы занимает время. С другой стороны, сдача экзамена по эстонскому языку трудная задача и требует много времени. В России отношение к своим гражданам намного более дружелюбное, чем в Эстонии. Поэтому люди всегда выбирают более простые и удобные варианты. Если бы в Эстонии было более демократическое государство, то количество российских граждан, проживающих в Эстонии, значительно сократилось бы, особенно среди молодого поколения».

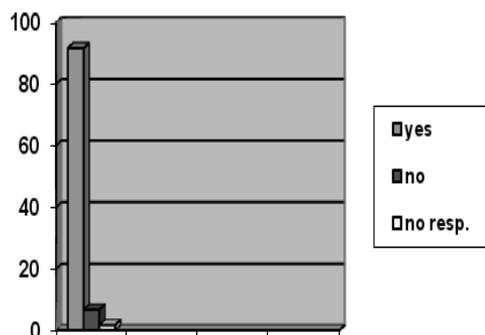
Действительно, существующая межэтническая ситуация в конечном итоге не служит интересам безопасности Эстонии, а, скорее, наоборот. Большая доля российских граждан и лиц без гражданства, проживающих в стране, не повышают ни внутреннюю, ни внешнюю безопасность. В случае кризисной ситуации в отношениях с Россией некоторые из членов многочисленного русскоговорящего сообщества могут быть использованы в качестве «козырной карты» против Эстонии. Здравый смысл предсказывает межэтнический раскол в будущем, если государство будет не в состоянии сократить количество лиц без гражданства и увеличить число эстонских граждан. К счастью, количество первых из них устойчиво сокращается.

Подавляющее большинство местных лидеров (90%) выступают за авто-

матическое предоставление гражданства тем, кто прожил в стране более 25 лет, а также детям тех родителей, которые постоянно проживают в Эстонии, даже не зная эстонского языка и основных законов. Только 7% отвергли подобный подход (Диаграмма 2).

Диаграмма 2

«Необходимо ли автоматически предоставлять эстонское гражданство детям, рожденным в Эстонии, чьи родители имели российское или советское гражданство?»

(Примечание: Возраст респондентов не учитывался)

«Люди чувствуют себя в большей безопасности и более защищенными при наличии гражданства. В ситуации неопределенности многие испытывают некие «страдания», не ощущая защиту со стороны государства. Если государство не отталкивает человека, то ему незачем поворачиваться к государству спиной».

Другими словами, имеется сильное желание получить гражданство без знания языка либо при наличии намного упрощенной процедуры сдачи экзамена. Большинство в обеих группах элит отрицают какие-либо риски, с которыми государство может столкнуться в этом отношении, а также указывают на положительную сторону: большее число людей сможет получить гражданство.

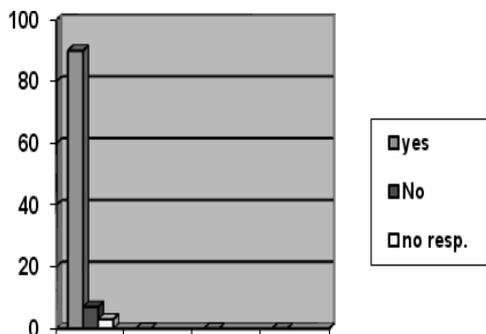
«Чем больше граждан, тем меньше напряженность и больше политических прав для выбора парламента и баллотирования на местных выборах. Именно этот шаг, в свою очередь, повысит доверие друг к другу».

Несомненно, интеграционная политика должна быть более гибкой. Государство должно выстраивать свою политику, исходя из потребностей своих жителей и учитывая их возраст. Представители элит меньшинства указали, что «нельзя сказать наверняка, насколько пожилые люди заинтересованы в приобретении гражданства».

«Трудно требовать знание языка от тех людей, которым 55 лет и более. Люди, имеющие постоянные проблемы со здоровьем, должны быть освобождены от экзамена. Не имеет смысла «мучить» пенсионеров. Они уже закончили свою карьеру и не работают. Если они не получают гражданства автоматически, то это только усилит «негражданский» статус их личности, что, конечно же, не прибавит патриотизма, привязанности и верности к государству». (Диаграмма 3).

Диаграмма 3

«Должны ли пожилые люди получать гражданство без сдачи экзамена?»

(Примечание: под «пожилыми людьми» мы понимаем лиц старше 55 лет)

Однако представители обеих групп элит указали на то, что определенные ри-

ски все же существуют: *«Государство получит довольно много престарелых людей, которые имеют советский образ мышления и не понимают сути и логики рыночной экономики. Очевидно, что у чиновников появится больше проблем в работе с этой категорией населения, и они будут тратить больше времени, объясняя различные вещи».*

Выводы

Политическая стабильность в демократических государствах основывается на минимальном уровне нормативной интеграции элит. Во-первых, огромную важность как в полиэтническом, так и в национальном государстве имеет национальное единство, при котором большинство граждан не имеют явно выраженных признаков принадлежности к какому-либо политическому сообществу. Во-вторых, «основное соглашение» между элитами и обществом в целом, как оно есть в понимании Роберта Даля, является жизненно важным условием демократической стабильности. Недостаток понимания и согласия, которые являются сутью устойчивой сплоченности, фактически подрывает основы государства. Мы полагаем, что формирование компетентного руководства и толерантной политической среды в стране является важным условием для достижения прочного внутреннего согласия. Джерент Парри абсолютно прав, указывая на то, что при определенных условиях элита может разделять общие ценности и что национальность может быть даже более важным фактором, чем социальное положение при формировании отношений⁴⁵. С другой стороны, этническая принадлежность сама по себе не может быть основой демократического государства. Умеренность требований и реакций, переговоры и совместный поиск решений являются теми инструментами, которые надо использовать при работе с различными взглядами и интересами в обществе.

После восстановления независимости Эстония, как и другие при-

балтийские государства, продемонстрировала значительный успех социально-экономических и политических реформ. Вступление в западные альянсы, такие как НАТО и ЕС, поспособствовало пересмотру этноцентричного восприятия государственности Эстонии в сторону установления в большей степени гражданских межэтнических отношений. Членство прибалтийских государств в ЕС, НАТО и ОБСЕ подтверждает их стремление к демократическому развитию. Вместе с тем оценка влияния членства Эстонии в ЕС на интеграцию этнических меньшинств в период после вступления в эти организации также требует исследования степени усвоения элитами международных стандартов в отношении меньшинств. Значительное большинство представителей эстонских элит не знакомы с различными европейскими конвенциями по правам меньшинств и не могут объяснить, что в Европе означает понятие «права меньшинств»⁴⁶. Даже сегодня многие интеллектуалы и политики в Эстонии и других странах региона Балтийского моря и Восточной Европы не имеют ясного представления о принципах, лежащих в основе западных стандартов. Им рассказали, что уважение прав меньшинств является основой демократизации, но не объяснили, что права меньшинств связаны с демократией и как эти права связаны с принципами справедливости и свободы⁴⁷. Этническая принадлежность сама по себе не может быть основой демократического государства. Умеренность требований и реакций, переговоры и совместный поиск решений являются теми инструментами, которые надо использовать при работе с различными взглядами и интересами в обществе.

Для того чтобы понять эстонскую демократию, необходимо учитывать наследие прошлого. Историческое наследие Эстонии и взгляды большей части национальных элит не позволяют применить консоциативные реше-

ния к проблеме межэтнических отношений. Государственность понималась с точки зрения этнической принадлежности, а не либеральных гражданских норм. После смены режима термин «либеральный» означал всего лишь антикоммунистическую суть элит, но далеко не всегда обозначал элиты, защищающие либерально-демократические ценности. Наличие среди соседей Эстонии огромной и доминирующей России в сочетании с многочисленным русскоговорящим меньшинством внутри страны послужило толчком к объединению национальной элиты.

Даже при разной численности обеих групп населения должна присутствовать определенная лояльность к государству. Хотя Эстония якобы и является полиэтничным государством, русскоговорящее население не ассоциирует себя с государством и его символами.

Политические партии склонны к расколу по этническому принципу, что затрудняет нормальные демократические отношения. Для того чтобы снизить потенциальную возможность этнических конфликтов в демократическом государстве, необходимо избегать полного исключения меньшинств из политического процесса. Все группы должны иметь свое место в системе. Немногочисленность представителей меньшинств в политических элитах обуславливает особенности восприятия большинством этой группы. Недостаточное число представителей некоренного народа представлено в высших органах исполнительной, законодательной и судебной властей.

Широко распространено мнение, что решения, принимаемые представительными органами власти, в значительной мере обусловлены взглядами их членов. Представители современных этнических элит — это люди среднего возраста с высшим образованием. Большинство из них родились, выросли и получили образование в Эстонии и поэтому хорошо владеют государственным языком.

Как правило, новые представители элит ранее занимали высокое положение. С этническими элитами, особенно местными, дело обстоит по-другому: большинство их представителей ранее имели низкое положение. Не наблюдается четкой тенденции в вопросе рекрутирования элиты; скорее, некоторым просто удается продвигаться в потоке вертикальной мобильности. Преемственность статуса была характерна только для 16% респондентов, в то время как большинство представителей элиты на местном уровне только относительно недавно приобрели свое положение, не имея при этом значимого политического опыта. Если говорить о представителях парламентских элит, то большинство из них имели высокое социальное положение даже в советские времена, в то время как среди представителей местных русскоговорящих элит преемственность статуса была относительно низкой. Другими словами, большинство из них новички. Таким образом, уровень вертикальной мобильности этнических элит является высоким. Это можно рассматривать как «приток» элит, что является жизненно важным для сменяемости элит в демократических и многокультурных обществах.

Несмотря на широко распространенное мнение об отсутствии гражданства в русскоговорящем сообществе, представители русскоговорящей элиты имеют эстонское гражданство. Представители обеих групп элит подчеркивали необходимость автоматического предоставления эстонского гражданства всем рожденным в Эстонии. Полученные данные говорят о том, что представители меньшинств недовольны строгими требованиями натурализации, такими как экзамен на владение языком и пр. Элиты считают самой важной целью политики интеграции предоставление равных прав как коренным жителям, так и меньшинствам. Таким образом, этнические элиты ориентированы на большую ли-

берализацию предоставления гражданства, что будет способствовать общему улучшению межэтнических отношений в Эстонии. Государство должно продолжать проведение реформ по улучшению положения в сфере межэтнических отношений.

Полученные данные убеждают нас, что интеграция в многокультурных обществах может происходить только на обоюдной основе, когда обе стороны предпринимают усилия в равной мере (двустороннее движение). Интегрированное общество — это такое общество, где существует взаимное уважение и доверие как на личностном, так и на групповом уровне. Большинство представителей этнических элит оценили уровень доверия и сотрудничества между двумя этническими группами как находящийся на прежнем уровне или даже хуже, что явилось результатом проводимой в настоящее время политики интеграции, что, скорее, доказывает ее малую эффективность. Волнения и демонстрации, произошедшие в 2007 г. в связи с переносом Бронзового Солдата, снизили ее значение. Таким образом, дезинтеграция общества и элит в целом должны стать предметом озабоченности в обществе. Низкий уровень доверия отражает раскол (конфликтность) элит, которые связаны между собой не столько прагматическими соображениями, сколько национальным согласием.

Результаты настоящего исследования показывают, что, несмотря на общую однородность элит, путей рекрутирования, восприятий и ориентаций обеих этнических групп элит, они во многом похожи и имеют общее понимание проблем и схожие взгляды на вопросы интеграции и гражданства. Эстонские этнические элиты характеризуются большей степенью сплоченности, в то время как основная политическая элита, скорее, расколота. Идеологическая линия раскола до сих пор лежит между этнически ориентированным государством и либеральным

пониманием межэтнических отношений. Недостаточность основных предпосылок для консенсусной демократии препятствует консолидации эстонского общества. Наиболее стабильное развитие можно прогнозировать при реструктуризации элит путем большего рекрутирования русскоговорящего населения в элиты. В противном случае, существует опасность возникновения нестабильной

ситуации, а возможно, даже и конфронтации между этническими сообществами, при котором неэстонцы не имеют пропорционального своей численности представительства в правительственных структурах. Результаты исследования в очередной раз продемонстрировали наличие двух параллельно существующих сообществ, которые требуют дальнейшего изучения.

Приложение I

Социально-демографические данные о представителях меньшинства в Рийгигогу, избранном в 2007 и 2011 гг.

	Место рождения	Год рождения	Пол	Образование	Место получения образования	Парламентский опыт	Партия	Опыт муниципальной работы
Татьяна Муравьева	Эст.	1949	Ж	В	Ленинград	10, 11 Прл.	Центр.	+
Элдар Эфендиев	Эст.	1954	М	В	Ленинград	10, 11, 12 Прл.	Центр.	+
Владимир Вельман	Эст.	1945	М	В	Таллин	8, 9, 10, 11, 12 Прл.	Центр.	+
Ольга Сотник	Эст.	1980	Ж	В	Таллин	11, 12 Прл.	Центр.	+
Нелли Привалова	Эст.	1945	Ж	В	Ленинград	10, 11 Прл.	Центр.	+
Алексей Лотман	Ленинград	1960	М	В	Тарту	11 Прл.	Зелен.	+
Валерий Корб	Эст.	1954	М	В	Ленинград	11 Прл.	Центр.	+
Виктор Васильев	Эст.	1953	М	В	Тарту	12 Прл.	Центр.	+
Д. Бородиц	Эст.	1979	М	В	Таллин	12 Прл.	Центр.	+
М. Стальнухин	Эст.	1961	М	В	Таллин	9, 10, 12 Прл.	Центр.	+
Евгений Осинковский	Эст.	1986	М	В	Тарту	12 Прл.	Соц.-дем.	—

Приложение II

Парламентское представительство этнических меньшинств в различные электоральные периоды (1992–2011)

	Количество	Партия
Рийгигогу 1992–1995	0	0
Рийгигогу 1995–1999	6	Российская парламентская фракция
Рийгигогу 1999–2003	8	2 члена Центристской партии, 6 членов Объединенной народной партии

Рийгикогу 2003–2007	7	5 членов Центристской партии, 2 члена Партии реформ
Рийгикогу 2007–2011	7	6 членов Центристской партии, 1 член Партии зеленых
Рийгикогу 2011–2015	6	5 членов Центристской партии, 1 член Социал-демократической партии

Примечание: в эстонском парламенте Рийгикогу 101 депутат.

Приложение III

Представители этнических элит в правительствах
Эстонии после восстановления независимости

Правительства	Титульная нация	Этнические меньшинства	Всего
1990 Э. Сависаар	24	2	26
1992 Т. Вяхи	24	1	25
1992 М. Лаар	27	0	27
1994 А. Таранд	15	0	15
1995 Т. Вяхи	16	0	16
1997 М. Сийманн	18	0	18
1999 М. Лаар	17	0	17
2002 С. Каллас	15	1	16
2003 Ю. Партс	19	0	19
2005 А. Ансип	16	0	16
2007 А. Ансип	13	0	13
2011 А. Ансип	13	0	13

Составлено автором.

Приложение IV

Эстонцы, считающие, что неэстонцы не должны быть на лидирующих позициях

	Парламент		Правительство	
	Эстонцы	Другие национальности	Эстонцы	Другие национальности
Не должно быть связано с числом неэстонцев	24%	23%	23%	28%
20–30%	10%	59%	6%	57%
10% и менее	34%	4%	27%	3%
Нет	18%	0%	30%	0%
Затруднились ответить	14%	12%	14%	12%

Источник: Vetik R. Ten years of Integration policies and processes in Estonia // National Integration and Formation of Multi-Ethnic Society: Experiences in Estonia and Latvia after EU enlargement / ed. by Nobuya Hashimoto, Hiromi Komori. Nishinomiya, Japan: Kwansei Gakuin University, 2009.

«По вашему мнению, в какой мере неэстонцы должны быть представлены в местных органах власти?»

	Эстонцы		Русские	
	2002	2005	2002	2005
Одна треть или более	4%	3%	48%	43%
Одна четверть	8%	4%	9%	17%
Одна десятая или менее	28%	24%	3%	9%
Никакого представительства	23%	25%	1%	1%
Представительство должно зависеть от численности не-эстонцев	28%	28%	31%	24%
Затруднились ответить	9%	16%	8%	6%
Итого	100%	100%	100%	100%

Источник: результаты мониторинга, проведенного Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета в 2005 г.

Приложение V

Участие в политической деятельности представителей титульной нации и этнических меньшинств в уезде Ида-Вирумаа, по крайней мере, один раз за последние три года (данные опроса 2005 г.)

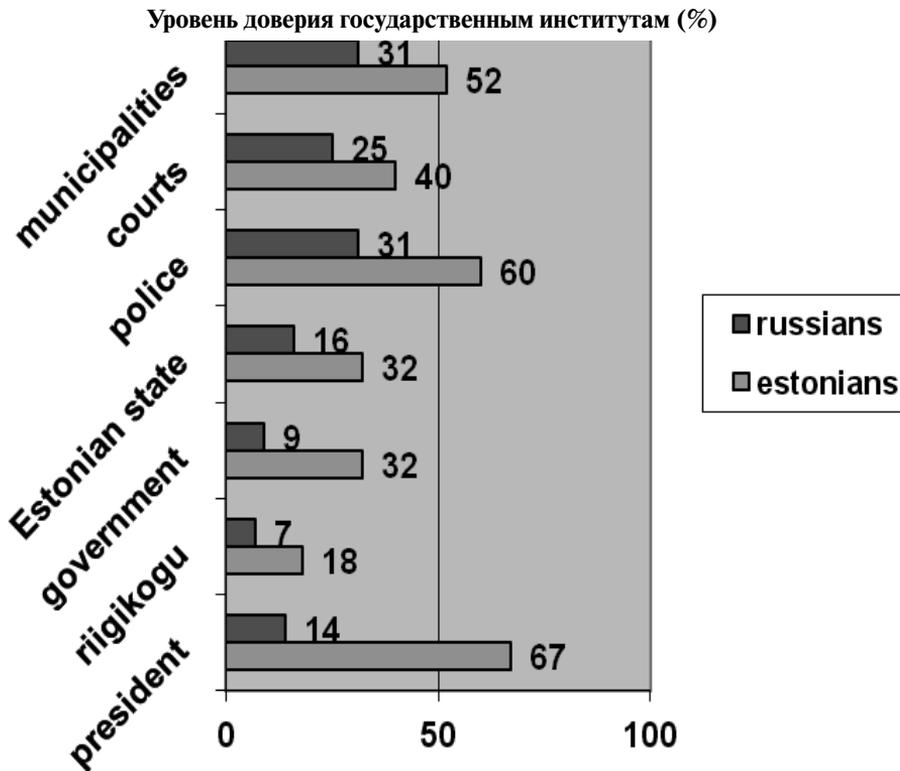
	Эстонцы	Неэстонцы
Не участвовали	23%	57%
Минимальное участие, один раз	64%	33%
Активное участие, более одного раза	13%	10%

Под «политической деятельностью» мы понимаем: голосование на выборах, участие в политических митингах, сборы подписей, совместные заявления для прессы, участие в демонстрациях и забастовках. *Источник:* результаты мониторинга, проведенного Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета в 2005 г.

Приложение VI

Индекс доверия	Этнические эстонцы	Граждане Эстонии другой национальности	Лица без гражданства	Граждане России
Не доверяют (0-1)	18%	54%	53%	48%
Не сильно доверяют (2-4)	33%	31%	35%	35%
Сильно доверяют (5-7)	31%	9%	7%	10%
Полностью доверяют (8-9)	17%	6%	4%	7%

Источник: Vetik R. Ten years of Integration policies and processes in Estonia // National Integration and Formation of Multi-Ethnic Society: Experiences in Estonia and Latvia after EU enlargement / ed. by Nobuya Hashimoto, Hiromi Komori, Nishinomiya, Japan: Kwansei Gakuin University, 2009.

Результаты мониторинга, проведенного Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета в 2005 г.

Приложение VII

	2005	2008	2010
Представители этнических меньшинств, желающие получить эстонское гражданство	74%	51%	34%

Источник: <http://www.slideshare.net/kultuuriministeerium/limumiskava-monitooring>

- Dahl R. On Democracy. New Haven and London : Yale University Press, 1999.
- Pettai V. Estonia and Latvia // Democratic Consolidation in Eastern Europe / ed. by J. Zielonka, A. Pravda. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 265.
- Kalev L., Ruutsoo R. Citizenship policies between Nation-state building and Globalization: Attitudes of the decision Makers in Estonia // Studies of Transition States and Societies. 2009. № 1.
- Lauristin M., Heidmets M. Learning from the Estonian case // The Challenge of the Russian Minority, Emerging Multicultural Democracy in Estonia / ed. by M. Lauristin, M. Heidmets. Tartu : Tartu University press, 2002. P. 322, 327.
- Higley J., Lengyel G. Elites After State Socialism. Theories and analysis, N.Y.Oxford : Rowman and Littlefield, 2000. P. 40.
- Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. № 9 ; Higley J., Lengyel G. Elites After State Socialism. Theories and analysis. N.Y.Oxford : Rowman and Littlefield, 2000.

- 7 Higley J., Lengyel G. *Elites After State Socialism. Theories and analysis.* N.Y.Oxford : Rowman and Littlefield, 2000. P. 7.
- 8 Best H. *Changes in European Representative Elites // Elites: New Comparative Perspectives / ed. by M. Sasaki.* Leiden, Boston : Brill, 2008. P. 73.
- 9 Ruostetsaari I. *Nordic Elites in Comparartive Perspective // Elites. New Comparative Perspectives.* Leiden, Boston : Brill, 2008. P. 145–146.
- 10 Vihaelemm T. *Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia // Identities, nations, and politics after Communism / ed. by R.E. Kanet.* N.Y. : Routledge, 2008. P. 77.
- 11 Agarin T. *A Cats Lick. Democratization and Minority Communities in the Post-Soviet Baltic.* Amsterdam, N.Y. : Rodopi, 2010. P. 270, 273.
- 12 Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy.* Boulder : Rowman and Littlefield, 2006 ; Steen A. *Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Postcommunist Countries. A Comparison of Estonia, Latvia, Lithuania.* Farnham : Ashgate, 1997 ; Parry G. *Political Elites.* Colchester : ECPR Press, 2005.
- 13 Zepa B. *Integration Policies in Latvia: Acquisition and Failures // National Integration and Formation of Multi-Ethnic Society: Experiences in Estonia and Latvia after EU enlargement / ed. by Nobuya Hashimoto, Hiromi Komori.* Nishinomiya, Japan : Kwansei Gakuin University, 2009. P. 28.
- 14 Burton M., Higley J. *Political crises and elite settlements // Elites, Crises and the Origins of Regimes / ed. by M. Dogan, J. Higley.* Oxford : Rowman and Littlefield, 1998.
- 15 Tsilevich B. *New democracies in the Old World: Remarks on Will Kymlicka's Approach to Nation Building in post-Communist Europe // Western Political Theory and Ethnic relations in Eastern Europe. Can liberal pluralism be exported: Western Political Theory and Ethic relations in Eastern Europe / ed. by W. Kymlica, M. Opalski.* Oxford : Oxford University Press, 2001. P. 157.
- 16 Higley J., Burton M. *The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology.* 2001. № 2. P. 181–200.
- 17 Kruusvall J., Vetik R., Berry J. *The Strategies of Interethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition and Societies.* 2009. № 1. P. 14.
- 18 Schulze J., Petersoo P. *Interview Analysis: Media, NGO,s and Opinion Leaders.* 2009 (unpublished). P. 12.
- 19 Hallik, Klara *Kodakondsus ja Poliitiline Kaasatus // Monitooring (research findings).* Tallinn : Institute of International and Social Studies, Tallinn University, 2005. P. 83 ; см. Приложение IV.
- 20 Dahl R. *Democracy and its critics.* New Haven and London : Yale university press, 1989. P. 221.
- 21 Pateman C. *Participation and Democratic Theory.* Cambridge : Cambridge University press, 1970.
- 22 Schumpeter J.A. *Capitalism, Socialism, and Democracy.* London : Allen and Unwin, 1943.
- 23 *A new balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe / ed. by M. Robotin, L. Salat.* Budapest : LGI books, Open Society Institute, 2003. P. 29.
- 24 Kymlica W. *Western Political Theory and Ethnic relations in Eastern Europe // Can liberal pluralism be exported: Western Political Theory and Ethic relations in Eastern Europe / ed. by W. Kymlica, M. Opalski.* Oxford : Oxford University Press, 2001. P. 79.
- 25 Vetik R. *Ten years of Integration policies and processes in Estonia // National Integration and Formation of Multi-Ethnic Society: Experiences in Estonia and Latvia after EU enlargement / ed. by Nobuya Hashimoto, Hiromi Komori.* Nishinomiya, Japan : Kwansei Gakuin University, 2009. P. 8.
- 26 Kruusvall J., Vetik R., Berry J. *The Strategies of Interethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition and Societies.* 2009. № 1. P. 15.
- 27 Schulze J. *Understanding the "Conditionality Gap" in Estonia and Latvia The Influence of EU Conditionality and Russia's Activism on Minority Inclusion.* PhD thesis. Washington : George Washington University, 2009. P. 284, 304.
- 28 Kruusvall J. *Hinnang Lõimunise Edukusele, Tulevikuohud ja Tõrjuva Suhtumise Ilmingud // Monitooring 2005 (research findings).* Tallinn : Institute of International and Social Studies, Tallinn University, 2005. P. 43, 44.
- 29 Putnam R. *Making Democracy work. Civic Traditions in Modern Italy.* Princeton, NY : Princeton University press, 1993.
- 30 Almond G., Verba S. *The Civic Culture.* Boston : Little Brown, 1965.
- 31 Diamond L. *Developing democracy. Toward Consolidation.* Baltimore : John Hopkins University press, 1999. P. 207.
- 32 Aström L. *Local Elites support for Democracy in the Baltic states.* Örebro University, unpublished. 2001. P. 3.

- ³³ Dalton R.J. *Democratic Challenges. Democratic Choices. The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies.* Oxford : Oxford Un.Press, 2004. P. 1.
- ³⁴ Almond G., Verba S. *The Civic Culture.* Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1963 ; Dahl R. *Polyarchy; participation and opposition.* New Haven, Yale University Press, 1971 ; Dahl R. *On Democracy.* New Haven and London : Yale University Press, 1999 ; Inglehart R. *Culture shift in advanced industrial society.* Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990.
- ³⁵ Steen A. *Recirculation and Expulsion: The New Elites in the Baltic States,* working paper, forskningsnotat. Oslo University, 1994. P. 5.
- ³⁶ Laagerpetz M. *From NGO,s to Civil society: A Learning process // Non-Profit Sector and the Consolidation of Democracy. Studies on development of Civil society in Estonia / ed. by M. Laagepetz, A. Trummal, R. Ruutsoo, E. Rikmann.* Tallinn : Kunst, 2004. P. 68 ; Agarin T. *A Cats Lick. Democratization and Minority Communities in the Post-Soviet Baltic.* Amsterdam, N.Y. : Rodopi, 2010. P. 287.
- ³⁷ *Monitoring 2010.* URL: <http://www.slideshare.net/kultuuriministeerium/limumiskava-monitoring>
- ³⁸ Schulze J., Petersoo P. *Interview Analysis: Media, NGO,s and Opinion Leaders.* 2009 (unpublished).
- ³⁹ Carens J.H. *Citizenship in multicultural Societies // International seminar on Democracy, Multiculturalism and Armed Forces: "The Challenges to Human Security".* La Paz, Bolivia, March 2004. P. 4.
- ⁴⁰ Ellis S.G., Halfdanarson G., Isaacs A.K. *Citizenship in historical perspective.* Pisa : Edizioni Plus, 2006.
- ⁴¹ *The politics of Reconciliation in Multicultural societies / ed. by W. Kymlica, B. Bashir.* Oxford : Oxford University press, 2008. P. 11.
- ⁴² Kalev L., Ruutsoo R. *Citizenship policies between Nation-state building and Globalization: Attitudes of the decision Makers in Estonia // Studies of Transition States and Societies.* 2009. № 1. P. 6, 8.
- ⁴³ Schulze J. *Understanding the "Conditionality Gap" in Estonia and Latvia The Influence of EU Conditionality and Russia's Activism on Minority Inclusion.* PhD thesis. Washington : George Washington University, 2009. P. 289.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 285.
- ⁴⁵ Parry G. *Political Elites.* Colchester: ECPR Press, 2005.
- ⁴⁶ See Schulze J. *Understanding the "Conditionality Gap" in Estonia and Latvia The Influence of EU Conditionality and Russia's Activism on Minority Inclusion.* PhD thesis. Washington : George Washington University, 2009. P. 272.
- ⁴⁷ *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe / ed. by M. Robotin, L. Salat.* Budapest : LGI books, Open Society Institute, 2003. P. 28.